

В тот день, когда начали происходить те самые чудеса, я скакала на швабре по двору, воображая, что еду на лошади. Мы с конём гарцевали на ярко освещённой арене, трибуны восхищённо аплодировали, и со всех сторон нас слепили вспышки фотокамер — я и мой верный конь были цирковыми артистами. И только я приветливо помахала рукой своим выдуманным, но крайне восторженным зрителям, как тут же споткнулась и кувырком, нелепо и стыдно, улетела в пыль.

Верный и прекрасный конь разломился — голова в одну сторону, хвост в другую — и тут же превратился в обычную швабру.

— Ой-ой,— сказала я,— мне совершенно точно попадёт.

Я даже не представляла, что тот день, когда я сломала швабру, перевернёт мою жизнь вверх тормашками раз и навсегда.

Меня зовут Агата, и недавно мне исполнилось одиннадцать лет.

Мы с бабушкой и мамой живём в небольшом городке с красивым названием Дивный, в двухэтажном доме солнечно-оранжевого цвета. Когда мама покупала дом, она выбрала именно этот, потому что у меня волосы такого же цвета — рыжие. Мама решила, что мы друг другу подойдём.

У меня ещё нет здесь настоящих друзей — так, обычные школьные приятели. Мы переехали в Дивный не так давно, почти перед летними каникулами, три месяца назад, когда маме предложили новую работу.

Она большая начальница — так все в Дивном говорят. Бабушка зовет её Люсей, потому что она так звала её ещё маленькой, а все остальные зовут маму Людмилой Федоровной.

Мама — директор фабрики, где выпускают ткани, и она так много работает, что мы с бабушкой её почти не видим. Она уходит на работу в семь утра, а встаёт раньше солнца — потому что долго наряжается, красится, делает кудряшки. Она носит туфли на высоком каблуке, любит поч-

ти прозрачные шарфики из тонкой органзы и говорит так: «Нельзя делать красоту и самой не быть красивой».

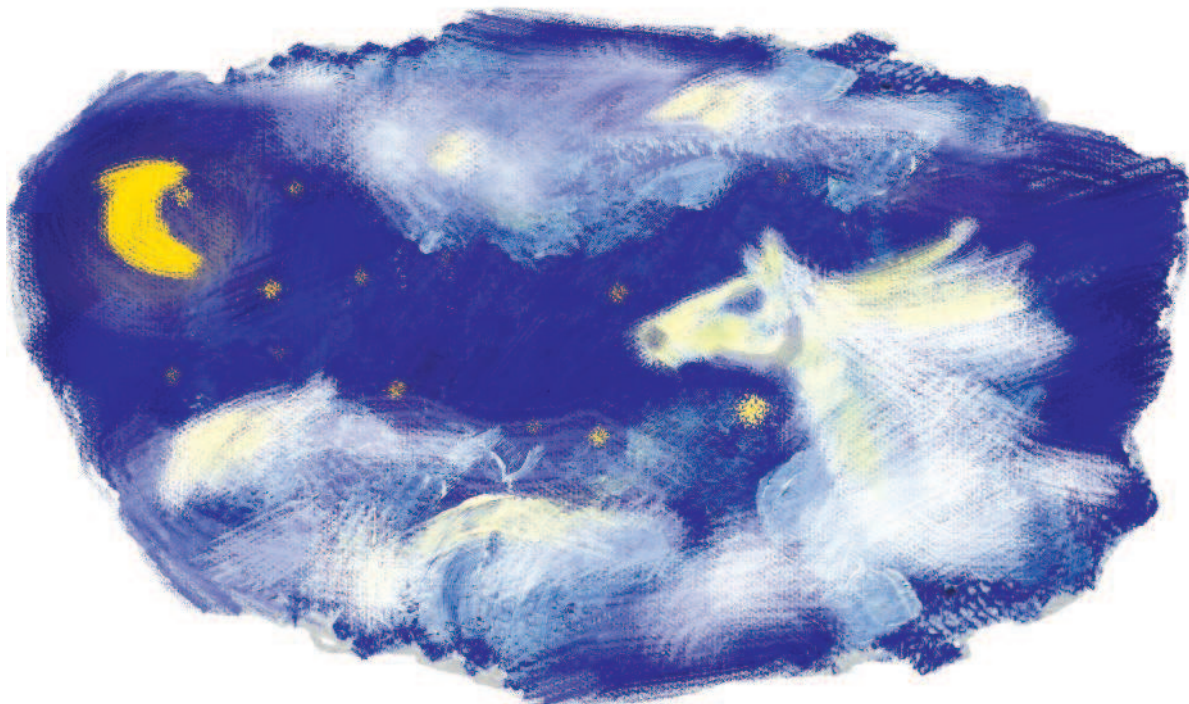
Наверное, она хороший директор, потому что ткани на фабрике получаются очень красивыми, и их покупает весь Дивный и многие другие города. Сейчас я уже привыкла, а раньше всегда удивлялась: вот тётя Наташа идёт в лёгком платье из маминой ткани, а вон в доме напротив занавески на окнах в знакомый цветочный узор, и даже сосед дядя Петя носит ситцевую рубашку из ткани в клеточку, которую выпускает мамина фабрика.

Для меня мама состоит из запахов. Ночная мама пахнет кремом для лица — она всегда целует меня перед сном, и даже спросонья я всегда знаю, что это — мама. Утром меня будит запах духов — она обязательно обнимает меня, иногда ещё спящую, перед тем как убежит на работу. А в выходные дни от неё пахнет гуашью — мама рисует эскизы для новых тканей, потому что, как она говорит, хороших художников на производстве не хватает, а в такую даль, как Дивный, никто не хочет приезжать.

Поэтому, даже когда она дома, она всё равно на работе.

И хотя мама молодец, и её все уважают, бабушка огорчается тому, что её постоянно нет с нами. Не из-за того, что забота о доме и моём воспитании ложится на бабушкины

плечи, а только потому, что мама не видит, как быстро я расту.

Бабуля у меня замечательная, она умеет слушать мои истории, печёт лучшие в мире блины и никогда не ругается — для этого у нас есть мама.

В тот день мне действительно попало за швабру. Хотя я и приложила массу усилий, пытаюсь склеить её скотчем, швабра чиниться отказалась. Вероятно, только из-за того, что из неё снова могли сделать лошадь.

— Нормальные девочки твоего возраста играют в куклы, в крайнем случае, в компьютерные игры! — вполне ожидаемо заявила мама.

Ей бывает сложно меня понять, я же с самых ранних лет была фантазёркой, вечно придумывала себе разные занятия, чтобы не скучать. Иногда мне это выходило боком, как в тот раз, когда швабра была лошадью.

